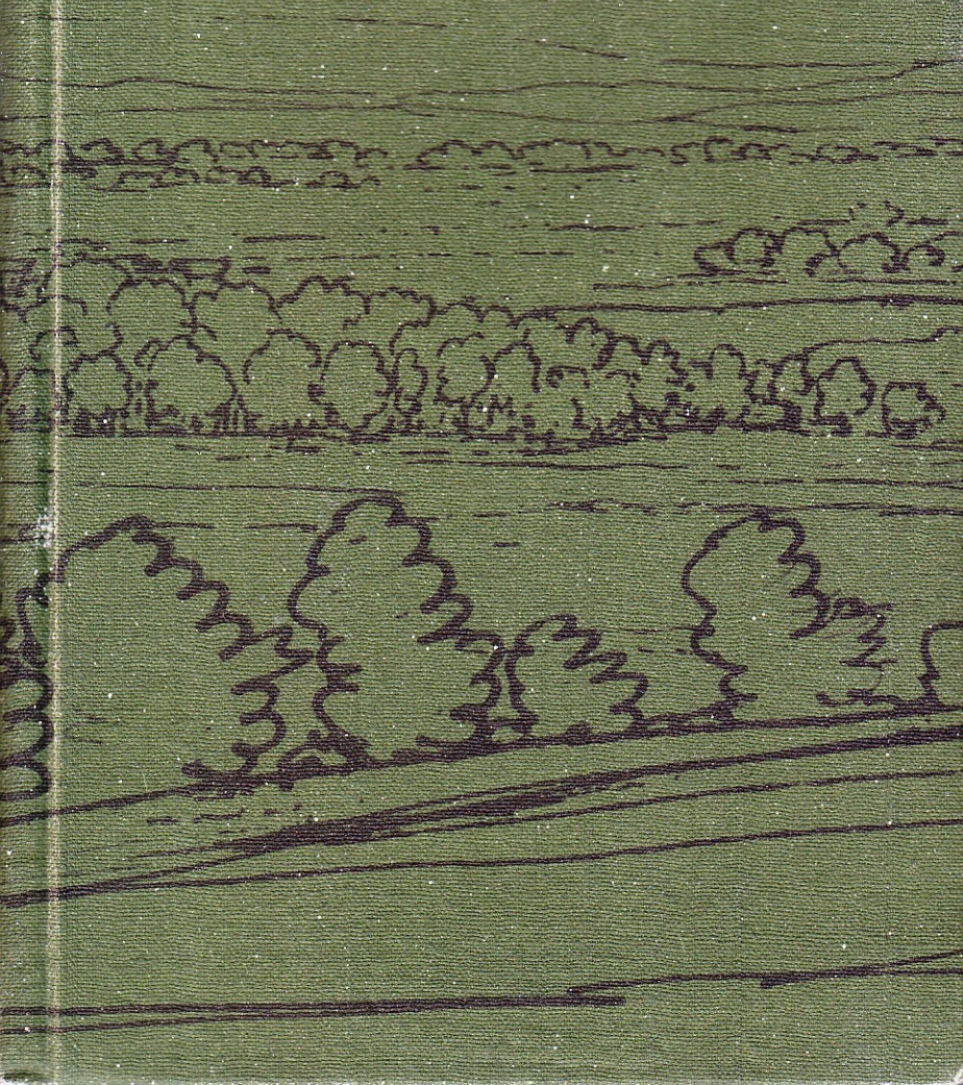


Ю. Курочкин

Уральский вояж поэта



Ю. Курочкин

8P1(092)
K-93

Уральский
вож поэта

+0p82(9)

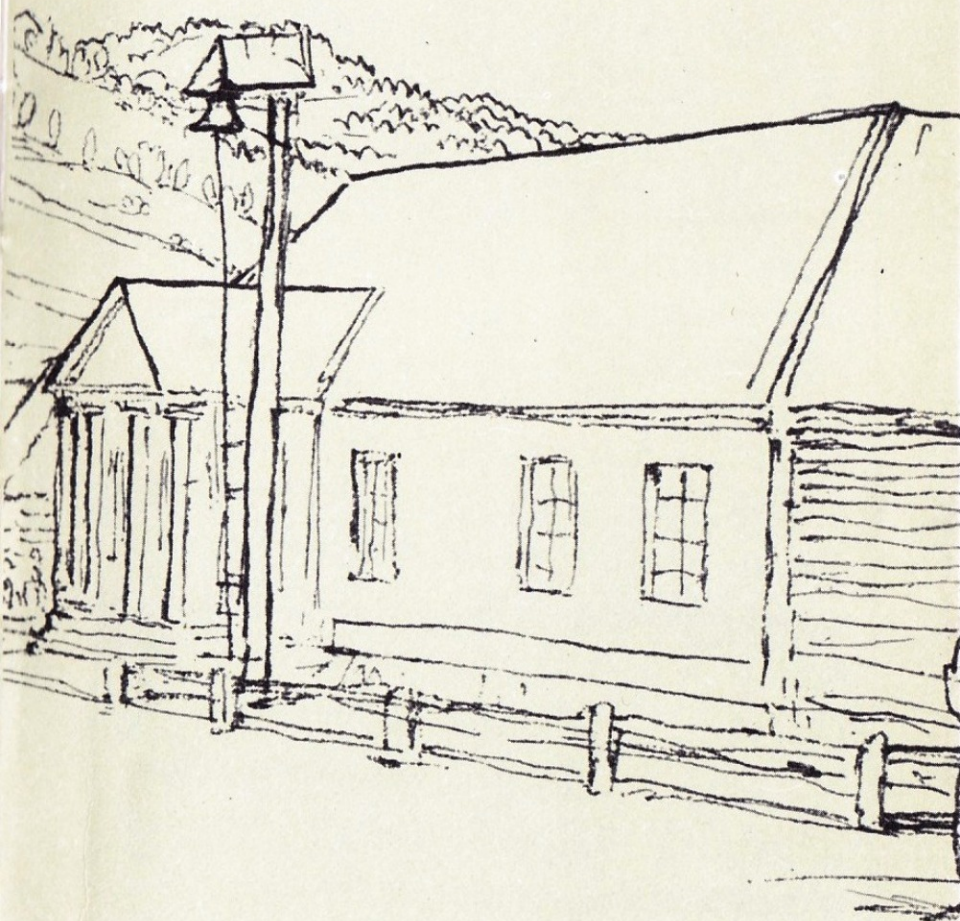
А.153487



ЧЕЛЯБИНСК
Южно-Уральское
книжное издательство
1988







м. 1000

Скопчане 7/8

Том 9

Уральский вояж поэта

1. Весной 1837 года, как только подсохли знаменитые своей грязью российские дороги, в Царском Селе собрался в далекий путь многоэкипажный конный поезд: девятнадцатилетний наследник престола, великий князь Александр Николаевич, только что закончивший основной курс обучения необходимым будущему царю наукам, по приказу отца, императора Николая I, отправлялся с обширной свитой в большое путешествие по России.

Маршрут поездки, намеченный еще зимой, был настолько пространном, что пришлось печатать его в военной типографии брошюрой в 29 страниц: для памяти путешествующим и для руководства местным властям. А также 160-страничную книжицу «Указание важнейших примечательностей на пути его императорского высочества государя наследника цесаревича». Наследнику предстояло проехать около 12 тысяч верст и обозреть империю до Урала и Сибири на востоке, до Смоленска на западе и Елисаветграда на юге.

Николай собственноручно составил обстоятельную инструкцию наследнику: где бывать (а где нет), что и как смотреть, когда ложиться спать и когда вставать, когда и с кем обедать и ужинать, какие балы и приемы посещать, и даже — с кем из дам и что именно танцевать («...с некоторыми из почетных дам — польский, с молодыми же знакомыми и лучше воспитанными — французские кадрили две или три»).

Сформулирована была здесь и главная задача вояжа: «Путешествие имеет двоякую цель: узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным».

2 мая, за несколько часов до отъезда, император собрал многочисленную походную свиту цесаревича: наставники, адъютанты, высокородные товарищи-офицеры, лейб-врач, камердинеры, фельдъегери — и долго читал им наставления. Всем велел «вести свой особый журнал», то есть путевой дневник.

Распорядок дня был предложен жесткий, не оставляющий времени для излишнего любопытства и непредусмотренных встреч: «Встав в 4 утра, ехать в 6 ч., не останавливаясь для обеда или завтрака на дороге до ночлега. Буде на пути есть предметы любопытные, то останавливаться для осмотра, не принимая нигде ни обедов, ни завтраков. По приезде на место посетить в губернских городах собор или даже в уездах те места, где хранятся предметы особого богомолья. Засим по приезде на квартиру обедать, призвав к столу только губернаторов, вечер посвятить записыванию в журнал всего виденного в течение дня и ложиться пораньше спать».

В воскресные и праздничные дни, правда, программа предоставляла большую свободу действий.

Сам Николай уточнил свое понимание «узнания России». Как записал в дневнике один из спутников наследника, его флигель-адъютант полковник С. А. Юрьевич, царь повелел, «...чтобы видели вещи так, как они есть, а не поетически. Поезdia в сторону, я не люблю ее там, где нужна существенность»¹.

Конечно, существенность можно понимать и как деловитость, но мы-то знаем, что Николай вообще был бы не прочь всю поэзию отправить *в сторону*, как, скажем, отправил Лермонтова в ссылку, Полежаева — в солдаты, Рылеева — на виселицу. И здесь это противопоставление дела и поэзии, похоже, адресовалось кому-то из поэтов.

Но поэты на этой беседе не присутствовали. Тот, что был назначен участником путешествия, на нее опоздал, нечаянно или умышленно, кто знает...

К отъезду, однако, он успел. В назначенную для поэта коляску вместе с молодым подпоручиком Иосифом Виельгорским сел наставник цесаревича Василий Андреевич Жуковский.

В шесть часов пополудни длинный, сразу же растянувшийся почти на полверсты поезд (11 экипажей при 37 лошадях), тронулся в дальний путь, поднимая клубы первой весенней пыли.

2. Откинувшись поудобнее на спинку сиденья, поэт глядел из-под полуприкрытых век на проплывающие мимо бурые, еще не паханные поля, на серо-зеленые от первой листвы перелески, на избы притрактовых деревень с побуревшей за зиму соломой на крышах, на выраженных в праздничные рубахи мужиков у околицы.

Едва ли с легким сердцем отправлялся в вояж Василий Андреевич, хотя давно знал о нем, сам принимал участие в разработке программы и маршрута — всю зиму сидел вместе с ученым географом, экономистом и статистиком Константином Ивановичем Арсеньевым. Лишь три месяца назад он похоронил Пушкина — не только близкого друга и «победителя-ученика», но и великого русского писателя, значение которого хорошо понимал. Все эти месяцы были заняты разбором и описанием (под присмотром жандармов) его бумаг, хлопотами об опеке и устройстве материальных дел семьи поэта, наконец, подготовкой к изданию его сочинений. В мастерской Брюллова остался неоконченный портрет Василия Андреевича, предназначенный для продажи и выкупа на эти деньги из крепост-

Утром Василий Андреевич вручил запечатанный пакет фельдъегерю, ожидавшемуся пробуждения наследника, чтобы отвезти в Петербург очередную почту. Как ОН там воспримет это?..

Тяжесть с души спала: сказал все — и облегчил душу. Так говорили древние...

19. «И облегчил душу». И в самом деле, судя по дневнику и проснувшейся активности Жуковского, он будто снял с плеч тяжелую ношу, давившую его все эти дни. Сознание исполненного долга принесло с собой раскованность, свободу внимания и действий. Он снова стал шутливым и общительным. Разделил спутников на партии «чаистов» и «простоквашистов», возглавив созданную им партию «пирожкистов». В дороге восторженно отмечал красоты природы. Стал увлеченно рисовать (с Тобольска альбом был заброшен!)...

Примечательная статистика: если с 22 мая (Воткинск) по 3 июня (Тобольск) он сделал всего 12 рисунков, а с 3 по 7 июня вообще не рисовал, то тут как прорвалось: 7 июня — пять рисунков, 8 (в Златоусте) — шесть, 9 — четыре, 10 и 11 — по пять. Двадцать рисунков (из 39 уральских) за четыре дня из 23, проведенных в этом краю!..

И, что не менее примечательно, записи о природе стали иными, теперь в них видится зерно поэтического образа: «Огромный камень посреди равнины, как вершина погребенной горы...», «Взволновавшаяся и окаменевшая пустыня...», «Горы как лев и крокодил, лежащие поперек. По спине их дорога». «Песок в виде пирамид...» Это же, можно сказать, поэтические заготовки!

В дневнике нет стихотворных строк, но появилось поэтическое восприятие увиденного. Василий

Андреевич пребывал не просто в хорошем — в возвышенном настроении.

Живописная, сдобренная восточной экзотикой, дорога между Златоустом и Оренбургом проходила по форпостам пограничной линии, за которой шли земли «немирных» киргизов и калмыков. Поэтому путешественников сопровождал отряд казаков, что еще более усугубляло романтичность обстановки.

Проехали Орскую крепость, памятную по рассказам Пушкина в его «Истории Пугачева». Несколько лет спустя здесь будет отбывать горькую солдатчину Тарас Шевченко, для выкупа которого из крепостной зависимости в мастерской Брюллова дожидается оригинала недописанный портрет Жуковского.

В разгар жаркого дня прибыли в Оренбург — центр обширного края, границы которого были не вполне ясны и самому правительству.

...«Тотчас с Далем на берег» — первое, что сделал и записал Василий Андреевич в Оренбурге.

Даль, милый Даль! Близкий и дорогой сердцу человек: лишь четыре месяца назад оба они присутствовали при последних минутах Пушкина, приняли его последний вздох. Это ему Александр Сергеевич сказал свое последнее: «Кончена жизнь...»

Здесь Даль служит при губернаторе, но вся грамотная Россия знает его заочно как Казака Луганского, автора занимательных и поучительных «Сказок».

О чем уж они беседовали там, на берегу полноводного Урала, мы не знаем — ни тот, ни другой свидетельств не оставили. Но несомненно, что, кроме обмена новостями, рассказами об общих знакомых, о своих делах и планах, в разговоре присутствовали и местные темы: сложности национального вопроса в этом еще не совсем освоенном крае, брожения в Уральском казачь-

ем войске, незадачливость дипломатической политики по отношению к азиатским соседям. Кое-что из этого намеками отразилось и в дневнике Жуковского.

Гостей в эти сложности можно не посвящать. Вместо этого для них был устроен «азиатский праздник» со всем возможным и невозможным набором восточной экзотики, какого ни до, ни после тут не видали. Юрьевич восторженно описывал его жене на многих страницах: «Я не буду тебе описывать, друг мой, всего того, чем угостил Перовский своего гостя: для подробного описания всего виденного нами надобно много времени... скажу только, что он мастерски успел соединить европейские удовольствия с азиатскими потехами... Азиатцы, образованные на европейский манер, новосформированные полки башкирцев, смешанные с уральскими казачьими полками, стройными маневрами занимали великого князя, а вечером киргизская орда, прикочевавшая нарочно для приезда великого князя к Оренбургу, забавляла его всем, чем только могла: тут была скачка на киргизских лошадях маленьких полунагих киргизят... интересная скачка тех же мальчишек на верблюдах; тут была борьба дюжих полудиких киргизов по их манеру; тут были показаны образцы заклинанья змей, хождения босыми ногами по голым острым саблям, дикая пляска... музыка на дудках и гортанная. Среди кочевья... прекрасная огромная галерея, нарочно выстроенная, после всего нами виденного была назначена для отдохновения вечером; она вдруг осветилась шкаликами и...»⁴⁴

Словом, начался бал среди оренбургской степи. Наследник разошелся, танцевал до часу ночи и явно нарушил инструкцию отца, предписывавшего удостоить местных дам лишь польским и двумя-тремя французскими кадрилями.

Жуковский накануне вечер провел опять-таки с Далем, а утром неожиданно заболел. Пришлось ставить ему пивяки. Но представлением соблазнился и он, после обеда сбросил халат и отправился, конечно же с Далем, на «азиатский праздник».

Красочное, необыкновенное представление увлекло Василия Андреевича. Он даже забыл на время о болезни и оживленно следил за номерами, сменявшимися по взмаху платка распорядителя. Достав из сюртука неизменную путевую тетрадь, торопливо заносил в нее подсказываемые Далем названия национальных музыкальных инструментов, исполнителей, предметов. Зашли на чай, устроенный по-восточному в кибитке. Заглянули в галерею, где был организован какой-то «театр». На бал не остались: «Возвращение домой и разговор с Далем»...

В Оренбурге участникам поездки, в том числе и Жуковскому, поднесли книгу об этом крае, несомненно созданную к приезду наследника: «Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. Сочинение тайного советника Иосифа Дебу, автора книги «О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. Издание Александра Ширяева». В ней 234 страницы, отпечатана в Москве, в университетской типографии, в 1837 году. Она тоже сохранилась среди книг Жуковского в Томске. О том, что это подносной экземпляр, свидетельствует его богатый кожаный переплет с золотым тиснением и золотым же обрезом.

С Далем Жуковский почти не расставался и весь следующий день. С утра он снова сказался больным. Похоже, что болезнь была импровизированной, чтобы не ехать со свитой в Илецк, смотреть соляные ломки. Друзья вдоволь поговорили.

Был здесь, в Оренбурге, еще один давний и близкий знакомый Жуковского — сам хозяин края, все- сильный генерал-губернатор Василий Алексеевич Перовский.

Они подружились лет двадцать назад, когда оба начинали свою службу при дворе: Перовский в качестве адъютанта великого князя Николая Павловича (нынешнего царя), а Жуковский — учителя его молодой жены Александры Федоровны. Жизнерадостный, остроумный и любезный (но вместе с тем гордый и обидчивый) Перовский полюбился Василию Андреевичу (как, впрочем, в те же годы и Пушкину), к тому же более опытный в придворной службе Перовский при случае охотно играл роль товарища-наставника своего нетитулованного тезки. Сближало их и нечто общее в биографиях: оба были «незаконнорожденными». Правда, Перовский, побочный сын могущественного некогда государственного деятеля и богача графа А. К. Разумовского, чувствовал это на себе менее, чем Жуковский, сын хотя и не бедного, но далекого от двора тульского помещика Бунина.

Но на этот раз времени для дружеских бесед едва ли достало — положение обязывало Перовского неотлучно сопутствовать высокому гостю. Да и в нынешнем сановитом и грозном генерале трудно уже было угадать прежнего товарища, охочего и до стихов и до проказ. Впрочем, старых друзей Перовский помнил: несколько лет назад гостеприимно встретил полуоного Пушкина, приехавшего собирать материалы для «Пугачева», хотя имел предписание установить за ним негласный полицейский надзор.

Лишь под конец выкроил время и для Жуковского, чтобы уединиться: «15 (июня). Переезд из Оренбурга до Уральска... Я вместе с Перовским». Но —

дружба дружбой, а табачок у них, конечно, был врозь, как сказал бы охочий до русских пословиц Владимир Иванович Даль...

20. Описывая тот переезд, Жуковский наконец-то занес в дневник слова, которые давно уже как бы висели в воздухе: *«Ссора с наследником»*. После этого становятся понятными некоторые туманные места его прежних записей:

31 мая. Переезд из Камышлова в Тюмень. *«На первой станции великий князь сел верхом. Ко мне больше внимания»*. Значит, до этого внимания было меньше?..

5 июня. Слобода Исетская за Ялуторовском. *«Обед. Глупая ссора за столом. Не возвратиться ли мне? Ошибка»*. И вздох о «неутешном сожалении». С кем ссора? Ясно, что не с простым спутником, если даже возникла мысль о возвращении домой.

Описывая в «Отчете за 1884 год» бумаги Жуковского, поступившие в Публичную библиотеку, И. А. Бычков обнаружил в одной из путевых тетрадей набросок письма к цесаревичу, частично расшифровал и привел в «Отчете» несколько строк ⁴⁵, однако в публикацию дневника этот набросок почему-то не включил.

Вот что спустя годы удалось прочитать мне (отточия с вопросительным знаком в скобках означают неразобранные места):

«Я весьма недоволен, что Вы рассудили меня разжаловать из попов в дьяконы, то есть взять у меня мой 3 № и дать мне 5. Для чего вы это сделали, не знаю, ибо никто из вашей свиты никогда не отставал от вас, а если кто и отставал, то много-много на час или на два — мой же экипаж тяжеле и я теперь буду принужден тащиться шагом там, где коляска на тех же лошадях ехала бы рысью. Одним словом, вы мне сдела-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66